

УДК 81'42
ББК 81.001.6

Рец. на кн.: Боронин, А. А. Интерпретация персонажных субтекстов: основы теории (на материале художественной прозы) [Текст] : [монография] / А. А. Боронин. – М. : Изд-во МГОУ, 2007. – 349 с.

Рецензируемая монография входит в число работ, посвященных фикциональной коммуникации – отражению в тексте художественной реальности с присущими ей специфическими «сегментами» – персонажными субтекстами. Несмотря на то, что художественный текст и его структурные координаты издавна являются объектом общепилологического рассмотрения, лингвистические трактовки такого его строевого элемента, как «персонажная» речь, отличаются разноплановостью и часто не учитывают последних достижений в области лингвистики.

В рецензируемой работе анализ персонажных субтекстов выполнен с опорой на общетеоретический постулат об *интерпретации* как особом виде деятельности; учитывает подходы к пониманию текстовых *смыслов* как идеальных образований в недрах читательского сознания; использует теоретико-методологический принцип *дополнительности* (Н. Бор), в соответствии с которым значимые стороны объекта рассматриваются как основа для формирования его многомерного образа.

Как показано в данной книге, персонажные субтексты, или субординатные тексты, образуют полисубъектный нарратив, ткань художественного произведения, где взаимодействие голосов персонажей, их субтексты, должны рассматриваться как непротиворечивое единство. В связи с этим в работе поставлена важная теоретическая проблема о самом принципе «монтажа» целостного произведения, о возможности согласования субтекстов в едином диалогическом сверткесте (по М.М. Бахтину) или, напротив, о выявлении правил импликации, выведения голосов персонажей из целостной смысловой структуры повествования.

Данная проблема актуальна в теории и практике художественного перевода, который рассматривается как вид интерпретирующей деятельности, приводящей к продуцированию текстового коррелята художественного текста – его «аллотекста», опосредованного иным языковым кодом. Знание закономерностей формирования персонажных субтекстов является залогом адекватного перевода текста с сохранением его смысловой и стилистической целостности. Эта проблема известна переводчикам художественных текстов и всегда вызывает споры относительно техник выделения и сохранения в трансляте специфических черт авторской креативности.

В рецензируемой работе – пять глав, каждая из которых отражает один из аспектов анализа художественного текста и в полной мере передает все многообразие категорий и подходов к изучению лингвистической структуры художественного текста: от методологического основания к особенностям членности текста, от них – к типам коммуникативных ситуаций, принципам моделирования языковой личности персонажа и установления информационной неоднородности персонажных субтекстов.

В *первой главе* в качестве теоретического основания для структурирования информации, представленной в персонажных субтекстах, комплексно рассматриваются лингвистические характеристики разной природы, которые отражают два аспекта интерпретации – процессуальный и результативный. Интерпретация художественного текста как *процесс* предполагает рассмотрение таких языковых параметров текста, которые указывают на типические черты его отдельных сегментов. К ним в монографии отнесены следующие: экспликация семантических оппозиций, экспликация симметрии/асимметрии, жанроопределение, аппроксимация, экспликация типов дискурса, экспликация концептов, релятивная инференция. Интерпретация как *результат*

освоения содержания текста предполагает анализ разных видов ментальных проекций художественного текста: трансгрессивной, регрессивной, рефлексивной, лакунарной. Таким образом, в работе задан теоретический каркас, в рамках которого происходит описание параметров персонажных субтекстов.

Во *второй главе* рассматриваются особенности интертекстуальных отношений и виды корреляций между персонажными субтекстами и традиционно выделяемыми единицами текста: заглавием, эпиграфом; устанавливается онтологический статус персонажных текстов.

Третья глава посвящена выявлению функциональных особенностей субординатных текстов в фикциональной коммуникации. Интересным и перспективным для последующих исследований представляется выделение понятий *нулевого персонажного субъекта* («зоны безмолвия», значимого молчания персонажа), *кортежей* (подсистем персонажных субтекстов) и *паракортежных элементов* (единство речевой деятельности персонажа и неречевых видов коммуникации), динамических основ фикциональной коммуникативной ситуации. Автор книги убедительно показывает, что использование речевых приемов, стилистических фигур – это следствие законов динамического развертывания художественного повествования: «фигура действительности влечет за собой порождение фигур дискурса» (с. 188). Как показано в работе, такой подход позволяет уйти от нежелательного упрощения и толковать интерпретируемый текст не просто как сумму «статичных» субтекстов, наполненных содержанием однородного характера, но как изменяющийся текст (с. 192), составляющие которого имеют (относительно) равный статус только лишь в линейном информационном ряду, но не в смысловом пространстве повествования.

Четвертая глава книги ставит перед читателем фундаментальный вопрос о моделировании реальности в фикциональном дискурсе. Действительно, проблема художественного отражения (представления) мира – вопрос, остающийся острым на протяжении сотен лет. Известно, что взгляды ученых здесь

расходятся принципиально: лингвисты условно принимают художественную референцию в качестве «аналога» реальной действительности, а персонажную речь – в качестве «аналога» реальной речевой коммуникации, ориентируясь при этом на важный принцип художественной репрезентации – подражание действительности. Литературоведы и словесники, объектом исследования которых является художественный текст, ищут в нем черты «особого», «усложненного», креативного и неподражаемого видения мира.

В работе А.А. Боронина проблема референции и моделирования реальности поставлена на прочную основу лингвистических терминов и направлена на выделение принципов моделирования минимальных сегментов повествования – субординатных текстов. Именно в многоголосии видений мира и их представлений в тексте состоит сложность референции художественного повествования в целом.

В полной мере используя достижения современного антропоцентрического языкознания (в частности, лингвистическое понятие языковой личности), автор книги демонстрирует действие принципа лингвистической дополнительности в применении к моделированию пространства художественного текста из совокупности голосов языковых личностей персонажей. Автор показывает, что, несмотря на данный полифонизм, художественному тексту свойственна монологичность, снятие противопоставления по линии «говорящий – слушающий», что обеспечивает монолитность гетерогенного текста (с. 226).

Пятая глава рецензируемой монографии акцентирует внимание читателя на многообразии видов информации в тексте. Опираясь на положения И.Р. Гальперина, Н.И. Жинкина, Г.В. Колшанского и других ученых, автор исследования показывает существование разных «информационных рядов» в субтексте (с. 236): экстралингвистического и лингвистического видов информации. Отмечается, что при моделировании персонажных субтекстов не нужно идти по пути предельной детализации названных типов информации, а необходимо выделять только значимые содержательные признаки.

Следует отметить, что данная глава, завершающая изложение концепции автора, в

некоторой степени уступает по содержательности предыдущим разделам книги, поскольку приращение лингвистического знания относительно семантики текста за счет анализа содержательной структуры персонажных субъектов здесь минимально. Возможно, имело бы смысл разместить данный раздел в теоретической части работы при обсуждении ключевых понятий исследования. Данное наблюдение не снижает ценности содержания рецензируемой работы в целом: она насыщена интересными мыслями автора, содержит описание новых подходов к интерпретации, казалось бы, хорошо известных лингвистических положений, включает яркий иллюстративный текстовый материал. Монография А.А. Боронина рассчитана на серьезного читателя и адресована в

первую очередь филологам (лингвистам и литературоведам), интересующимся проблемами фикциональной коммуникации и общей теории языковых репрезентаций.

Само название монографии и постановка проблемы в ней вызывает интерес читателя. А результатом изучения содержания книги, безусловно, является удовольствие от встречи с новым знанием, глубоким проникновением автора в сложные лабиринты текстового устройства. Радостно, что круг лингвистических работ, посвященных проблемам текстопорождения и понимания речевых произведений, пополнился еще одним многосторонним исследованием.

С.В. Ионова